

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЛЕКСИКА В БЕЛГОРОДСКИХ ГОВОРАХ

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Русский язык и литература
очной формы обучения, группы 02031301
Алейника Александра Сергеевича

Научный руководитель
д.ф.н., профессор
Кошарная С.А.

БЕЛГОРОД 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ДИАЛЕКТЫ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КУЛЬТУРЫ НАРОДА	
1.1. Лингвокультурная специфика диалектов.....	7
1.2. Белгородские диалекты в ряду русских говоров.....	14
Выводы по главе I.....	20
ГЛАВА II. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕЛЬСКО- ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЛЕКСИКИ БЕЛГОРОДСКИХ ГОВОРОВ	
2.1. Лексика животноводства и птицеводства.....	26
2.2. Земледельческая лексика.....	34
Выводы по главе II.....	38
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	40
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	41
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	47

ВВЕДЕНИЕ

Одна из причин, которая обусловила интерес к изучению народных говоров, заключается в том, что диалектные слова несут в себе информацию о культурной жизни народа, о его традициях и обычаях. Ученые и исследователи, обращаясь к диалектной лексике, ставят своей целью изучить и понять особенности народного мировосприятия русского человека, т.к. в словах сохраняется и передается исторический опыт народа. В то же время сегодня запись народных говоров превращается в настоятельную задачу, поскольку мы наблюдаем уход из жизни носителей диалектного языка и, соответственно, утрату диалектного материала.

Диалектология в последнее десятилетие сделала большой шаг в фиксации народных говоров, что позволило использовать этот материал как объект многоаспектных исследований.

В объективе нашего исследования находится сельскохозяйственная лексика, функционирующая в белгородских говорах. Изучение сельскохозяйственных предметов несет в себе информацию о повседневной деятельности человека, обеспечивающей его материальными продуктами жизнедеятельности (инструменты, жилье, пища и т.д.). Главную позицию среди этих предметов занимает инструмент, или рабочий инвентарь, а также процессы, связанные с обработкой земельной почвы и животноводством.

В нашей работе в качестве **объекта исследования** рассматриваются функционирующие в белгородских говорах номинанты, обозначающие объекты и орудия сельскохозяйственной деятельности.

Предметом изучения являются лингвокультурологические особенности рассматриваемых наименований, позволяющие характеризовать их как факты языка и культуры народа.

Как отмечает Т.Н. Данькова, «сельскохозяйственная лексика относится к наиболее древним пластам словарного состава русского языка и восходит к

праславянскому языку. Это объясняется значительной ролью сельского хозяйства в жизни древнейших славян, для которых земледелие и скотоводство имели большую экономическую и культурную ценность» [Данькова 2008: с. 44].

Актуальность нашего исследования определяется научным интересом к изучению южнорусских говоров, в частности, к белгородским диалектам. В то же время в настоящее время уже накоплен объемный диалектный материал, требующий описания и систематизации. При этом особое внимание уделяется отдельным лексико-тематическим группам, в которых наиболее ощутимо отражается культурная история края. Одной из таких групп является сельскохозяйственная лексика белгородских говоров, которая пока еще мало охвачена трудами ученых.

Известно, что территория Белгородской области отличается развитым аграрным сектором, традиционностью земледелия, птицеводства и скотоводства. Особое значение здесь всегда имело и имеет садоводство и огородничество. Богатство сельскохозяйственной жизни естественным образом нашло полное отражение в языке.

Обращаясь к данному лексическому пласту, мы исходим из положения, сформулированного уральским диалектологом К.И. Демидовой, согласно которому «диалектная языковая картина мира, являясь частью национальной языковой картины мира, имеет как общие с последней черты, так и отличные. Поэтому его можно определить, как территориальный вариант национального образа мира. Это схема восприятия окружающего мира, сложившаяся на протяжении многих веков существования социума, ограниченного определённой территорией, имеющего свою историю, природные, климатические, экономические условия жизни» [Демидова 2014: 35].

Цель нашего исследования – комплексный лингвокультурологический и структурно-семантический анализ сельскохозяйственной лексики, функционирующей в белгородских говорах.

Поставленная цель обусловила решение следующих **задач**:

1. изучить научную литературу по заявленной теме исследования;
2. охарактеризовать лингвокультурологические особенности белгородских говоров;
3. классифицировать наименования сельскохозяйственной лексики в соответствии с функциональной спецификой обозначаемых реалий;
4. выявить особенности отражения в исследуемых наименованиях языковой картины мира носителей белгородских говоров;
5. охарактеризовать фонетические и морфологические особенности диалектизмов в группе указанных наименований.

Методологической базой исследования послужили труды Р.И. Аванесова, Ф.П. Филина, С.М. Кардашевского, Л.И. Баранниковой, Н.А. Лукьяновой, К.И. Демидовой, Т.В. Бахваловой, Д.З. Арсентьева, Л.М. Васильева, П.Н. Денисова, И.А. Карповой, Т.В. Кирилловой, Т.Н. Даньковой, Л.И. Меркуловой, А.А. Уфимцевой, и др.

В ходе работы нашли применение следующие **методы**: описательный метод, представленный приемами интерпретации и обобщения, методы анализа и синтеза, а так же собственно лингвистические методы, в частности – лингвокультурологический комментарий.

Фактический материал работы составил около 100 лексических единиц, которые объединяются нами в отдельные подгруппы по тематическому принципу.

Апробация работы состоялась в виде выступлений на конференциях различного уровня, в том числе – в рамках работы VII-ой Школы молодых лексикографов и лингвогеографов «Словари и лингвистические карты как фактор развития междисциплинарных связей в языкознании» (ноябрь, 2016 г., г. Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН), доклад на которой был отмечен дипломом I степени. По теме исследования автором опубликовано 5 статей (РИНЦ); при участии автора издан коллек-

тивный словарь: Кошарная С.А., Алейник А.С., Медведева А.И. «Опыт областного словаря Белгородчины. Дифференциально-сопоставительный словарь: 3 700 слов» / С.А. Кошарная, А.С. Алейник, А.И. Медведева // Под общ. ред. С.А. Кошарной. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2017. – 335 с. (19,3 п.л.). *Издание осуществлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Правительства Белгородской области в рамках выполнения проекта №16-14-31002/17-ОГОН «Диалектизмы и регионализмы в речи жителей Белгородчины к. XX – нач. XXI вв.».*

Автор настоящего исследования как исполнитель принял участие в двухгодичном гранте РФФИ и Правительства Белгородской области «Диалектизмы и регионализмы в речи жителей Белгородчины к. XX – нач. XXI вв.» (проект №16-14-31002/17-ОГОН. Региональный конкурс «Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее – 2016/2017», Белгородская область).

Структура работы. Дипломная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

ГЛАВА I. ДИАЛЕКТЫ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КУЛЬТУРЫ НАРОДА

1.1. Лингвокультурная специфика диалектов

Еще Р.И. Аванесов отмечал, что «современный русский национальный язык – сложное и многообразное явление, в котором представлен литературный и нелитературный (социальные и территориальные диалекты) язык» [Аванесов, 1954, 88]. Помимо литературного языка, в принципе единого для всех говорящих по-русски, существуют и другие разновидности русского языка, употребление которых ограничено определенной социальной средой (профессиональные языки, жаргоны) или определенной территорией (народные говоры). Как указывает О.И. Блинова, «первые называются социальными диалектами, а вторые – территориальными диалектами (или просто диалектами), а также говорами» [Блинова 1984: 156].

Различие между диалектами и литературным языком заключается не только в территориальной приуроченности диалектов и вне территориальности литературного языка, различаются они и по своим функциям.

И.А. Карпова утверждает, что «литературный язык – это язык государственности, политики, науки, искусства – словом, язык культуры» [Карпова 1994; 60]. В своей особой форме он является также бытовым языком образованных людей.

Диалекты служат разговорным языком преимущественно сельского населения. На диалектной основе создаются также произведения фольклора.

С различием функций связаны и другие различия литературного языка и диалектов:

- 1) литературный язык имеет и письменную, и устную формы, а диалекты – только устную;
- 2) литературный язык имеет строго обязательные нормы, которые отражены в учебниках по русскому языку, поддерживаются словарями и дру-

гими справочными изданиями. Поэтому литературный язык называют также нормированным или кодифицированным. Нормы диалектов не отличаются такой строгостью и поддерживаются только традицией;

3) многообразие функций литературного языка соответствует богатство его стилей. Для диалектов характерна слабая стилистическая дифференциация.

В то же время Н.А. Баланчик считает, что «литературный язык и диалекты сближает наличие собственной фонетической и грамматической системы (диалекты отличаются друг от друга и от литературного языка некоторыми фонетическими, лексическими и грамматическими признаками), поэтому 1) диалекты – единственное средство общения для говорящих на них; 2) диалекты вместе с литературным языком являются основными разновидностями русского языка (во многом противоположными друг другу)» [Баланчик 1992: 71].

Таким образом, диалекты противопоставлены литературному языку по следующим основаниям:

1) по охвату территории: диалекты всегда ограничены территориально, а литературный язык не имеет территориальных ограничений;

2) по сферам и функциям общественного использования: литературный язык – это государственный язык (язык политики, науки, искусства), диалекты служат разговорным языком преимущественно сельского населения;

3) по закреплённости в письменности: литературный язык представлен в устной и письменной формах, диалекты же существуют только в устной форме;

4) по подчинённости специально разработанным и кодифицированным языковым нормам: литературный язык – язык нормированный.

5) по стилистической дифференциации: литературный язык характеризуется богатством стилей, а диалекты отличаются слабой стилистической дифференцированностью.

При этом между литературным языком и говорами существует взаимодействие, характер которого изменяется на протяжении истории. Известно, что литературный язык сложился на основе народной речи и длительное время существовал под влиянием диалектов. Русский литературный язык возник на основе московского говора и в дальнейшем испытывал влияние диалектов, которое становилось тем слабее, чем отчетливее оформлялись и строже охранялись нормы литературного языка.

Начиная с того периода, когда складываются орфоэпические нормы литературного языка, влияние диалектов на него проявляется преимущественно в лексических заимствованиях из говоров. По этому поводу Н.А. Лукьянова пишет, что «влияние литературного языка на говоры, напротив, возрастало на протяжении его истории и особенно интенсивным стало в наше время» [Лукьянова 1978: 76].

По мысли П.Н. Денисова, «со временем влияние литературного языка на диалекты возрастало, особенно в наши дни: обязательное среднее образование, распространение в современной деревне радио и телевидения приводят к постепенной нивелировке диалектов» [Денисов 1980: 176]. Но, видоизменяясь и утрачивая некоторые прежние черты, диалекты и в наше время сохраняются в качестве разговорного языка сельского населения.

Диалекты следует отличать от просторечия. Просторечие – это разновидность общенародного языка, представленная в речи людей, не владеющих литературными нормами, иными словами, это разговорный язык людей, не владеющих литературными нормами, но не ограниченный определенной территорией. Связующим звеном между литературным и нелитературным языком является просторечие. Между всеми разновидностями национального языка наблюдается постоянное взаимодействие.

Просторечие при этом, в отличие от диалекта, не ограничено определенной территорией (кажись, давеча, смыться и пр.). Сближает их наличие

исключительно устной формы общения и отступления от литературной нормы.

Равным образом, ученые различают социальные и территориальные диалекты. Социальные диалекты имеют свои лексические особенности, но у них нет своей фонетической и грамматической системы. Фонетика и грамматика социальных диалектов не отличаются от системы литературного языка или говоров, ответвлениями которых они являются.

Социальные диалекты, в отличие от территориальных, – это «языки» определенных социальных групп: жаргоны (жаргоны моряков, спортсменов, студентов и т.д.) и арго (языки социальных низов (воров, карточных шулеров и др.) и старых ремесленников и торговцев (офеней-коробейников, шорников, жестянщиков и др.)).

Различия территориальных и социальных диалектов заключаются прежде всего в следующем:

1) социальные диалекты присущи какой-либо общественной группе, объединенной одним видом трудовой деятельности (например, рыбаки, ткачи), социальным положением, возрастом, полом и др. Территориальные диалекты свойственны населению определенной местности (села, деревни);

2) территориальные диалекты имеют собственную фонетическую и грамматическую системы, что позволяет служить для жителей одной территории единственным средством общения. Социальные диалекты имеют отдельные лексические особенности, но их фонетическая и грамматическая системы не отличаются от соответствующих систем литературного языка.

Таким образом, под территориальными диалектами понимаются диалекты, распространенные в определенной местности.

Территориальные диалекты, как и литературный язык, имеют свою фонетическую и грамматическую систему и могут, следовательно, служить для говорящих на этих диалектах единственным средством общения. Л.М. Васильев считает, что по этой причине «территориальные диалекты

вместе с литературным языком являются основными разновидностями русского языка. Эти разновидности во многом противоположны друг другу» [Васильев 1971: 105].

Исходя из сказанного, важнейший отличительный признак всех местных говоров, или диалектов, – это ограниченность территории их распространения и бытования, их не общерусский характер.

Остановимся подробнее на термине «диалект». *Диалект* (греч. διάλεκτος – «наречие» от греч. διαλέγομαι «говорить, изъясняться») – разновидность языка, которая употребляется в качестве средства общения лицами, связанными между собой одной территорией.

Соответственно, русскую речь той или иной местности в сочетании ее общерусских и местных особенностей и принято называть местным говором, или диалектом. Диалект является полноценной системой речевого общения (устной или знаковой, но не обязательно письменной) со своими собственными словарем и грамматикой.

Традиционно под диалектами понимались прежде всего сельские территориальные диалекты. М.В. Никитин утверждает, что «французские лингвисты наряду с термином «диалект» (dialecte) используют термин «патуа» (patois), который также обозначает локально ограниченную речь определённых групп населения, главным образом сельского» [Никитин 1988: 44].

Диалект (говор) – это самая мелкая территориальная разновидность языка, на нем могут говорить жители нескольких близлежащих деревень или даже одной деревни. Говоры характерны прежде всего для сельской местности. Их много. Недаром старинная русская пословица гласит: «Что ни село – то говор». И русский литературный язык, и местные русские говоры существуют на протяжении веков. Длительное время местные говоры обогащали русский литературный язык. Диалектные слова обеспечивали яркость русской народной речи, в них отражены вековые традиции ведения семейного уклада, обряды, обычаи, народный календарь. Многие самобытные и точные

слова, образные выражения, пословицы, поговорки нередко с успехом использовали и используют в художественных произведениях писатели и поэты.

Говор – это основная единица диалектного членения, язык одного или нескольких соседних населенных пунктов, однородных в языковом отношении.

Как писал Р.И. Аванесов, «в своей совокупности говоры образуют диалектный язык» [Аванесов 1954: 90]. Но диалектный язык – это не просто совокупность говоров, а сложное целое, по отношению к которому каждый говор может рассматриваться как его частная разновидность.

Сегодня в отечественной диалектологии можно выделить два аспекта изучения диалектного языка. Первый – изучение структуры диалектного языка, т.е. установление соотношений между системами разных говоров, образующих в совокупности диалектный язык. Второй аспект – изучение территориального распределения варьирующихся элементов диалектного языка и основанная на таком изучении группировка говоров. Изучение сходства и различий между говорами дает возможность выделить территориальные объединения говоров различного ранга.

Наиболее крупные объединения говоров – наречия. В русском языке выделяются два наречия: северное и южное, между которыми лежит полоса среднерусских говоров, сочетающих в себе черты обоих наречий. Каждое из наречий, а также среднерусские говоры включают в себя более мелкие объединения – группы говоров.

Все указанные территориально отмеченные образования традиционно изучает диалектология – наука о территориальных разновидностях языка (диалектах). Однако сегодня диалекты оказываются объектом изучения и истории языка, и этнолингвистики, и новой, молодой науки – лингвокультурологии.

И это связано со спецификой диалектов как лингвокультурных образований, имеющих свою природу и историю развития. Диалект есть разновидность (вариант) данного языка, употребляемая более или менее ограниченным числом людей, связанных тесной территориальной, профессиональной или социальной общностью и находящихся в постоянном и непосредственном языковом контакте.

Народные говоры «соприкасаются» с просторечием и схожи с ним устной формой бытования и «привязкой» к наивно-бытовой картине мира.

Т.В. Бахвалова утверждает, что «диалекты древнее, чем литературный язык. Они часто сохраняют древние черты общенародного языка и служат источником его непрерывного обогащения» [Бахвалова 1996: 152].

Диалектные различия, существующие в говорах до сих пор, сформировались в эпоху древних племен. Границы некоторых диалектных явлений совпадают с границами древних племен или феодальных земель.

Например, граница племен словен и кривичей совпадает с границей Новгородской и Псковской земель. По ней проходит также граница оканья и аканья. Диалектные различия усиливаются в период феодальной раздробленности (XII – XIII вв.), когда связи между землями были минимальными.

По мнению Д.З. Арсентьева, «с XIV в. начинается объединение русских земель вокруг Москвы – важного экономического, политического и культурного центра. Наречия, которые оказались на территории единого централизованного государства, постепенно сближаются и объединяются в один язык (XIV – XV вв.). Так появляются предпосылки для возникновения национального языка» [Арсентьев 1984: 51].

Таким образом, русский литературный язык, во-первых, возник на основе московского говора, занявшего ведущее положение и обогащавшегося чертами других говоров, постепенно вливающихся в него и сливающихся с ним; а во-вторых, испытывал влияние диалектов, которое становилось тем слабее, чем отчетливее оформлялись и строже охранялись нормы литератур-

ного языка (лексические заимствования из говоров – *шуршать, зелена, тайга, бублик*).

На сегодняшний день диалектные черты, по мнению исследователей, сохраняются, как правило, в речи старшего поколения, особенно женщин. Однако, как показал наш материал, диалектные черты и диалектная лексика оказываются весьма устойчивы, особенно в той части, в которой она связана с бытовой и хозяйственной жизнью человека.

И всестороннее изучение такой лексики даёт возможность проследить развитие говоров и языка в целом, увидеть заимствованные элементы, выступающие как значимый источник его обогащения и следствие межкультурного взаимодействия с родственными и далекими этносами, имеющего место в каждой языковой и диалектной системе и находящей выражение в языковой картине мира носителей языка.

1.2. Белгородские диалекты в ряду русских говоров

Исследования историков, этнографов, лингвистов, фольклористов на протяжении последних десятилетий показывают, что, несмотря на весьма разнородный состав населения Белгородской области, краеугольный камень в становление и развитие народной культуры и говоров исследуемого локуса заложили прямые потомки аборигенов Белгородчины – славяне — «степняки», возвратившиеся из северных регионов России, куда их предки были отеснены татарским нашествием.

По данным писцовых книг, в «Списках населенных мест» городов Белгородской засечной черты упоминаются «севрюки» и «горюны». О происхождении горюнов существуют разные предположения. Так, В.В. Мавродин утверждал, что «горюны – это остатки северян, уцелевших среди колонизированных потоков нового населения XVI-XVIII вв» [Мавродин 1951: 122].

Эту точку зрения поддерживал Б.А. Рыбаков, доказав, что «среди переселенцев были жители полесских районов Черниговщины и Брянщины, верхнего Днепра» [Рыбаков 1981: 197]. Пограничное положение, соседство с украинцами и белорусами сказалось на внешнем облике горюнов. Они отличались от окружавшего их населения, как по говору, так и по костюму. Мужская одежда, войлочные «колпаки» в качестве головного убора были сходны с полесско-белорусскими головными уборами. Своеобразный комплекс женского костюма (женская рубаха с прямыми поликами, пришитыми по основе: понева-плахта в качестве поясной одежды, полотенчатый головной убор) был известен в бассейне Северского Донца. Вполне вероятно, что именно эти этнические группы, некогда населявшие территорию края, и есть потомки древних северян, поселения которых находились в Путивльском уезде Белгородской (впоследствии Курской) губернии, а ныне – Сумской области.

Однако, несмотря на многие сходства с культурой других народов (украинцев и белорусов), эти гипотетические потомки древних северян смогли сохранить свою самобытность вплоть до XX века.

Постепенно под влиянием общих исторических и социальных условий происходила этническая и культурная консолидация выходцев из разных районов России, составивших группу «служилых людей» (пушкарей, стрельцов, казаков, драгун, копейщиков), несших службу на Белгородской засечной черте и живших или в самих крепостях, или в основанных рядом слободах.

Служилые люди по отчеству (по происхождению) делились на три разряда: чины душные (бояре, душные дворяне, душные дьяки); чины московские (стольники, стряпчие, московские дворяне, жильцы, дьяки); чины городовые (дворяне выборные, дети боярские дворовые, дети боярские городовые).

Низшие служилые люди – мелкопоместные дети боярские и приборные чины в XVII-XVIII веках назывались «однодворцами». «Однодворцы» занимали промежуточное положение между дворянами и крестьянами. Они полу-

чали от государства земельные участки под титулом служилого поместья. Некоторые из них имели у себя одного или нескольких крепостных. Однако большинство крепостных не имело и жило всего-навсего одним двором (отсюда их название «одnodворцы»). Понятие «одnodворцы» сохранилось вплоть до XIX века в качестве податного населения. Одnodворцы сохраняли локальность своей культуры, что наиболее зримо проявилось в народном костюме, особенностях его декоративной отделки. На территории края крупные поселения одnodворцев отмечены в Старооскольском, Белгородском уездах, в Воронежской губернии (современные Губкинский, Старооскольский, Яковлевский и Валуйский районы).

Следует подчеркнуть, что одnodворцы были сословной, а не этнической группой населения. Особые социально-экономические условия наложили отпечаток на многие стороны уклада их жизни. В силу привилегированного по роду («дворянская костка») и по экономической обеспеченности положения (земли у них всегда было вдоволь) четвертники-одnodворцы жили сами по себе, не сближаясь с крестьянами.

Традиции «детей боярских», входивших в разряд «служилых по отечеству», оказали заметное влияние на развитие культуры края, в том числе, на одежду. Характерный для одnodворцев костюм состоял из юбки в полоску (местное название «андарак»). Его происхождение относится к периоду не ранее XV в. и связано с бытом военно-служилого сословия.

В XVIII веке в пределах Белгородской и Воронежской губерний одnodворцы составляли более половины всего населения и здесь было сосредоточено 85% всех одnodворцев России.

Вторую группу служилых людей составили «служилые по прибору» – стрельцы, казаки, тинщики, воротнички, позднее драгуны и солдаты. Их расселение связано с Белгородским и Оскольским уездами. В эту категорию вошли те, кого правительство набирало из различных слоев населения: казаки, казённые плотники, каменщики, кузнецы, беглые крестьяне.

Переселенцы- «сведенцы» (служилые люди из ближайших населенных пунктов) прибывали на Белгородчину из различных районов Русского государства.

Особенности миграционных процессов скатались на национальном составе населения исследуемой территории. В Белгородской губернии при общем преобладании русских возникло много украинских поселений, расположенных группами и дисперсно.

Первые украинские переселенцы появились в Короче и Усерде в 1638 г., в 1670 г. они основали слободу Грайворопы (позднее город Грайворон), население которого составили выходцы из Правобережной Украины: Жаботина, Белой Церкви, Корсуни, Умани, Сум, Ахтырки, Суджи и других, – внесшие существенные изменения в традиционный народный костюм. Так, характерная бесполиковая рубаха украинского типа, с цельнокроеными рукавами, стала излюбленной праздничной частью костюма.

Как известно, в 1639 г. в Белгороде, Валуйках, Коротояке, Урыве, Яблонице были поселены «черкасы». Безусловно, это способствовало смешению и взаимопроникновению двух культур, что и сегодня особенно заметно в устройстве крестьянского дома, в традициях кухни, фольклоре, обрядах, праздниках, народной одежде, а главное – в особенных, не похожих ни на какие другие русские говоры диалектах Белгородчины.

К концу XVI началу XVII веков, в основном, закончились массовые переселения народов. В своих общих чертах сложилась и этническая карта Белгородского края. Под воздействием урбанизации, общей подвижности населения, роста числа национально-смешанных семей прежние локальные особенности народной культуры и быта постепенно сгладились. Материальная культура стала более стандартной. Однако многие самобытные черты традиционной народной культуры края сохраняются в ярко выраженной форме и в настоящее время.

На это обращал внимание еще А.И. Соболевский. В работе «Русский народ как этнографическое целое» исследователь указывал на то, что точных границ между тремя славянскими народами, как правило, не наблюдается: есть районы (пояса) переходные, где сочетаются признаки и того, и другого народов. И гут же Соболевский вносит в свое заключение существенную поправку: «Точная граница может быть проведена только между великорусами и малорусами в тех местах, где и те, и другие – поздние пришельцы, где они столкнулись не раньше XVII столетия. Здесь у этнографа обычно не бывает никаких затруднений: одну деревню по ее языку и быту он может смело и решительно назвать великорусскою, а ее соседку, также на основании ее языка и быта, он называет малорусскою» [Жиров 2005].

На отличия в языке и культуре русского и украинского населения в местах бывших пограничных поселений XVII-XVIII века указывают и другие авторы. Подтверждают это и материалы музыкально-этнографических экспедиций в села Белгородчины, свидетельствующие, что традиционная народная культура сохраняет здесь свои индивидуальные особенности.

Прямое украинское воздействие на нее ощущается только в более поздние исторические периоды. И, напротив, типичные признаки южнорусской традиции удалось зафиксировать участникам экспедиции Московской консерватории на территории Украины. Это еще одно из предположений, что только потомки славян-степняков могли принести с собой в южнорусские пограничные города традиции, корни которых уходят ко временам единства юго-восточных славян в эпоху образования Киевского государства. Существенным подтверждением этого предположения является диалектный язык края, в котором отразилось и близкородственное этническое соседство и родство человека с богатейшей природой края и с опытом предков-землепашцев. В этой связи Белгородчина, будучи частью региона, где пролегал граница великорусской и украинской этнографических групп русских и украинских мест поселения, представляет особый интерес.

Исследователь расселения украинцев в Курской губернии Г.И. Булгаков выделил несколько полос-зигзагов вклинивания украинских поселений. Первая включает в себя территории бывшего Грайворонского и Краснояружского уездов, по границе бывшего Обоянского уезда (волости Ракитянская, Стигуновская, бывшие Грайворонская и Томаровская волости Белгородского уезда). Из волостей Борисовской и Грайворонской бывшего Граворонского уезда и Бессоновской и Толоконской Белгородского уезда сложилась вторая линия. Третья полоса идет зигзагом в пределах бывшего Корочанского и Новооскольского уездов и состоит из волостей: Неклюдовской, Зимовеньской (бывший Корочанский уезд), Булановской, Великомихайловской и Слоновской (бывшего Новооскольского уезда). Кроме того, три волости с преобладающим украинским населением пятнами вкрапливаются в великорусские поселения: Кашеевская (бывшего Корочанского уезда), Чернянская (Новооскольского уезда). Украинцы составляли половину населения в Валуйском уезде, в Волоконовской, Уразовской, Вейделевской волостях. В настоящее время чересполосица сохранилась в большинстве районов Белгородчины: Корочанском, Прохоровском, Шебекинском, Белгородском, Новооскольском, Чернянском, Вейделевском, Волоконовском, Ровеньском, Валуйском, Красногвардейском.

Так, в пограничных районах под влиянием украинской культуры нередко формируются окающие диалекты. В то же время в русских селах Белгородского района Болхолец, Пушкарное, в селе Белый Колодец Вейделевского района (бывшего Валуйского уезда) и др. формировались русские окающие говоры.

Интенсивное развитие экономики региона, развитие традиционных занятий населения особенно активизировалось в период существования Белгородской губернии (1727-1779 гг.), в состав которой вошли территории современных Белгородской, Курской, Орловской, частично Брянской областей

Российской Федерации, а также Харьковской и Полтавской областей Украины. Этот факт нашел отражение в народных говорах и культуре быта.

Так, Белгородские говоры отражают межэтническое взаимодействие, обусловленное территориальными особенностями Белгородской области. В силу соседства с Украиной, говоры Белгородчины характеризуется таким явлением как смешение диалектов. Например, в сельской местности употребляются следующие диалектизмы:

«**Гамán** – сущ., -а, муж.р., нейтр. 1. Кошелёк. /Ваз'м'íу **гамán** у тумб'ач'к'и и пайд'ом'у мауаз'ін//; /Палóжыла у **гамán** п'иццот / схадила у мауазин / и ну́ста// (х. Глушковка, Старооск., 1994 г.; с. Кузькино, Чернян., 2013 г.; г. Алексеевка, Алексеев.; п. Пролетарский, Ракитян.; с. Верхопенье, Ивнян.; Ровеньск.); 2. Карман. /У **гамán** палажы// (с. Верхняя Покровка, Красногвард., 2016 г.); 3. Мешок для табака. /**гаманы́** дл'и табакá вышывáлы// (с. Троженец, Новооск., 1999 г.). Украинизм, ср. укр. *гаманець*, *гаман* – ‘кошелёк’. [СРНГ 6: 127]+ **Р**] [ООСБ 2017: 74];

«**Бодня**. **Бодня́** – сущ., -í, жен.р., нейтр. Деревянная посуда, в которой солят сало. /**Бодн'á**// (п. Пролетарский, Ракитян.; с. Шмеховое, Чернян., 1999 г.). [СРНГ 3: 55]+» [ООСБ 2017: 39];

«**Кúхлик** – сущ., -а, муж.р., спец. Кувшин для молока, сливок; кувшин, в котором хранят сметану. /**Кúхл'ик** /в'иршóк у **кúхл'ик'и** стана в'íл'и у п'éш'// (х. Высокий, Прохоров.; п. Прохоровка, Прохоров.; с. Белый Колодезь, Вейдел., 2013 г.; с. Боровое, Новооск.). Украинизм, ср. укр. *кухлик* – ‘кружечка’. || «**Кúхлик**, а, м. <...> 3. Глиняный кувшин. Курск., 1848. Орл., Брян., Пск., Смол., Ворон.» [СРНГ 16: 183]+» [ООСБ 2017: 158].

Особенность белгородских говоров заключается и в проявлении архаичных черт на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях. На уровне фонетики фиксируется замена фонем Ф и Ф' на У-неслоговое (на месте оглушения звука В), сочетание ХВ (на месте Ф в сильной позиции перед гласным) или Х (перед согласным): «**Граxвín** – сущ., -а, муж.р., нейтр. Гра-

фин. /*урахв'їн дарау'ї* / *разб'їл*// (с. Ураково, Краснен., 2005 г.). [СРНГ]-» [ООСБ 2017: 84].

Белгородские говоры нередко представлены собственно диалектной лексикой, фиксация которой отсутствует в общенародном словаре:

«*Дра́чка* – суц., -и, жен.р., нейтр. Терка механическая. /*Дра́чкај мо́ркву тру*// (п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.). || «*Дра́чка*, я, ж. <...> 2. Терка для размельчения, растирания чего-либо. Смол., 1852» [СРНГ 8: 177]+» [ООСБ 2017: 100];

«*Осло́н* – суц., -а, муж.р., нейтр. Деревянная скамейка. /*Асло́н*// (п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.). || «*Осло́н*, а, м. <...> 4. Переносная скамейка в избе. Южн, Зап., Даль» [СРНГ 24: 24]+» [ООСБ 2017: 195];

«*Тырту́шка* – суц., -и, жен.р., нейтр. Тёрка. /*Тырту́шка*// (с. Шмеховое, Чернян., 1999 г.; Ровеньск.). Украинизм, ср. укр. *тертушка* – 'тёрка'. || «*Тёрту́шка*, ж. 1. Терка (для размельчения овощей и т.п.). Рыльск., Судж. Курск., 1849. Курск. *Тертүшка*. Орл., Курск., Даль» [СРНГ 44: 85]+ » [ООСБ 2017: 294]. И др.

В бытовую лексику входят диалектизмы различного типа:

-фонетические:

«*Вїнык* – суц., -а, муж.р., нейтр. Веник. /*В'їнык*// (х. Глушковка, Старооск., 1994 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.). Под влиянием украинского языка, ср. укр. *віник*. [СРНГ]-» [ООСБ 2017: 58].

«*Карва́ть* – суц., -и, жен.р., нейтр. Кровать. /*Карва́т'*//; /*Мы́ но́вују карва́т'* куп'їл'и// (с. Богородское, Новооск., 1993 г.; с. Киселевка, Новооск.). [СРНГ]-» [ООСБ 2017: 135].

«*Рогáч* – суц., -á, муж.р., нейтр. Длинная палка с металлической рогаткой на конце, которой захватывают и ставят в печь горшки; ухват. /*Рауач'óm гаршк'ї таска́л'и ис п'ич'ї*//; /*Рауач'ї*//; /*Сн'áты роуач'óm*//; /*Выт'án'иш рауач'óm*//; /*Чапл'їшка / рогáч'*// (п. Борисовка, Борисов.; с. Никольское, Белгор.; с. Грушевка, Волокон.; с. Боровое, Новооск., 1993 г.;

с. Илек-Пеньковка, Краснояруж.; с. Головчино, Грайвор.; с. Большая Ивановка, Новооск., 1999 г.; с. Николаевка, Новооск.; с. Лубяное, Чернян., 1999 г.; с. Большая Халань, Корочан., 1999 г.; с. Хмелевое, Краснен., 1999 г.; с. Ураково, Краснен., 2005 г.; с. Избушки, Вейдел.; с. Клименки, Вейдел.; с. Банкино, Вейдел.; п. Уразово, Валуйск., 1999 г.; с. Яблоново, Валуйск., 2010 г.; Ровеньск.; с. Никольское, Белгор.; с. Большетроицкое, Шебекин., 2005 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; г. Бирюч, Красногвард.; с. Вязовое, Прохоров.; с. Яковлево, Яковлев.). [СРНГ 35: 122]+ **Р»** [ООСБ 2017: 245].

-морфологические:

«**Рушнік, рушнік** – суц., -а, муж.р., нейтр. Полотенце. /**Рушнік** / ут'ірка/ на ус'акаму зав'ом//; /**Рушнік** нада наст'ират' / а на к'ухн'у н'овыі нав'ес'//; /**Рушніком** абатр'іс'//; /**Рушнік** в'ышла н'овыі//; /**Ч'істаі рушнік**// (с. Песчаное, Корочан., 1998 г.; с. Яблоново, Корочан., 1995 г.; с. Хмелевое, Корочан., 1998 г.; с. Гарбузово, Алексеев., 1999 г.; с. Верхопень, Ивнян.; с. Камызино, Краснен., 1999 г.; с. Яблоново, Валуйск., 2010 г.; с. Головчино, Грайвор.; с. Теплый Колодезь, Губкин.; п. Борисовка, Борисов.; с. Никольское, Белгор.; с. Кузькино, Чернян., 2013 г.). **Рушнык**. /**Рушнік**//; /**Купыла н'овыі рушнік**//; /**Рушныкы**// (с. Грушевка, Волокон.; х. Миндоловка, Корочан., 1999 г.; Ровеньск.; с. Илек-Пеньковка, Краснояруж.; с. Головчино, Грайвор.; с. Большая Ивановка, Новооск., 1999 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; с. Банкино, Вейдел.). Украинизм, ср. укр. *рушник* – 'полотенце'. [СРНГ 35: 291](+) **Р»** [ООСБ 2017: 247-248].

«**Скрыня** – суц., -и, жен.р., нейтр. Ящик для хранения вещей (одежды, постельного белья и т.п.) с крышкой на петлях, род сундука. /**Аткр'оі скрын'у** и плат'ок ваз'м'і//; /**У скрын'и** ул'ад'і//; /**Сховат' тр'апкы в скрын'и**//; /**Закр'оі скрын'у** на зам'ок// (с. Яблоново, Корочан., 1995 г.; с. Кощеево, Корочан., 1999 г.; с. Лубяное, Чернян., 1999 г.; с. Клименки, Вейдел.; п. Вейделевка, Вейдел.; с. Банкино, Вейдел.; с. Киселевка, Новооск.; с. Никольское, Белгор.; с. Н. Таволжанка, Шебекин., 2005 г.; п. Пролетарский,

Ракитян.; Ровеньск.; с. Кузькино, Чернян., 2013 г.). || «Скрѣня, ж. 1. Сундук; ящик. Слов. Акад. 1847. Дон., 1848. Южн. *А эту шириночку в скрыню положу.* Ворон., Курск., Орл., Ряз.» [СРНГ 38: 163-164]+ **Р**» [ООСБ 2017: 261].

«Сту́лка – суц., -и, жен.р., нейтр. Стул. /Сту́лка// (повсеместно по области). || «Сту́ла, ж. 1. Стул, табуретка. Рыльск. Курск., 1853. *Стула сподомилась – Девка провалилась.* Курск., Орл. <...> Ворон., Дон. <...> 1. Сту́лка, ж. 1. Стул, табуретка. Дон., 1929. *Сядь на стулку, на табуретку.* <...> Дон. Южн., Свердл.» [СРНГ 42: 88-89; 90]+ **Р**» [ООСБ 2017: 275].

- семантические:

«Вареття́ – суц., -и́, ср.р., нейтр. Покрывало или полотенце, которое использовали для просушки и перевозки зерна. /Вар'етт'а́// (п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.). [СРНГ 4: 141-142]» [ООСБ 2017: 49].

«Папо́на – суц., -ы, жен.р., нейтр. 1. Вид одеяла; покрывало из ткани, изготовленной из конопли. /Папо́ны ф ста́нах тка́л'и//; /Покро́јус' сукóнај папо́нај// (х. Глушковка, Старооск., 1994 г.; с. Казачье, Прохоров.; п. Пролетарский, Ракитян.; с. Банкино, Вейдел.; г. Бирюч, Красногвард., 2016 г.); 2. Одеяло, покрывало на лошадь. /Папо́на// (Вейдел.); 3. Простыня. /Папо́на// (Борисов.). [СРНГ 29: 334]+» [ООСБ 2017: 225].

«Чувáл – суц., -а, муж.р., нейтр. Мешок, большой мешок из грубой ткани, в котором переносят картофель или овощи. /Пр'ин'ис'и́ чувáл /карто́ху у по́ур'ип с'н'ис'т'и́//; /Собра́в чувáл карто́шкы//; /Ја́ чувáл што́пала//; /Т'ажóлыј чувáл// (с. Киселевка, Новооск.; с. Богородское, Новооск.; с. Клименки, Вейдел.; с. Банкино, Вейдел.; с. Волотово, Чернян., 1999 г.; с. Ураково, Краснен., 2005 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.; с. Кузькино, Чернян., 2013 г.). || «Чувал м. татарск. очаг с очельем, камин, камелек, огнище, шесток с колпаком и дымволоком, у татар, башкиров, остяков, якутов, горских народов и пр. | Комнатный камин. | *Шерстяная обшив-ка тюка, кипы*» [Даль IV: 611](+) **Р**» [ООСБ 2017: 321].

Примечательно, что диалектизм может проявлять себя сразу на нескольких языковых уровнях. Например, *рогáч* – одновременно фонетический диалектизм, т.к. вместо фонемы Г, употребляется *у* фрикативный, свойственный большинству белгородских говоров, и собственно лексический (слово не является элементом общенародного языка).

Изучение белгородских говоров способствует постижению культурно-исторической и лингвистической специфики нашего региона. Так, белгородские говоры способны дать ответ на вопросы, решение которых необходимо для реконструкции языка и истории народа.

В силу этого белгородские говоры представляют особое, чрезвычайно интересное для лингвистов образование, и всестороннее описание лексических групп диалектизмов Белгородчины будет способствовать решению целого ряда значимых для науки вопросов.

Выводы по главе I

Диалект предстает как разновидность (вариант) общенародного языка, употребляемая более или менее ограниченным числом людей, связанных тесной территориальной, профессиональной или социальной общностью и находящихся в постоянном и непосредственном языковом контакте, и в силу этого он является транслятором местной культуры и хранилищем «бытовой истории» человека, живущего в этой местности.

Белгородчина, будучи частью региона, где пролегает граница великорусской и украинской территории и которая, как следствие, объединяет в себе русские и украинские места поселения, представляет особый интерес для исследователей языка и культуры.

К концу XVI – началу XVII веков, в основном, закончились массовые переселения народов. В своих общих чертах сложилась и этническая карта Белгородского края. Под воздействием урбанизации, общей подвижности

населения, роста числа национально-смешанных семей прежние локальные особенности народной культуры и быта постепенно сгладились. Материальная культура стала более стандартной. Однако многие самобытные черты традиционной народной культуры края сохраняются в ярко выраженной форме и в настоящее время, что находит отражение в лексике региона.

Анализ диалектных слов имеет особую значимость, так как лексика говоров отражает народную культуру, а также обеспечивает ученых данными для постижения лингвокультурных особенностей носителей говоров, а также для реконструкции языка и истории народа в целом.

ГЛАВА II. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЛЕКСИКИ БЕЛГОРОДСКИХ ГОВОРОВ

2.1. Лексика животноводства и птицеводства

Появление сельского хозяйства восходит корнями к ранней истории человечества – примерно 12 тысяч лет назад, и его становление связано с «неолитической революцией», которая автоматизировала процесс перехода человеческих общин от примитивной экономики (охота и собирательство) к сельскому хозяйству, которая ознаменовалась земледелием и скотоводством и стала производящей экономикой. В силу этого, как отмечает Т.Н. Данькова, «сельскохозяйственная лексика относится к наиболее древним пластам словарного состава русского языка и восходит к праславянскому языку. Это объясняется значительной ролью сельского хозяйства в жизни древнейших славян, для которых земледелие и скотоводство имели большую экономическую и культурную ценность» [Данькова 2008: 44].

В данном исследовании мы рассматриваем два тематических кластера лексического пространства, соотносимого с сельскохозяйственной деятельностью: I. Лексика животноводства и птицеводства и II. Лексика земледелия.

В первом кластере – «Лексика животноводства и птицеводства» – выделяется ряд специальных тематических подгрупп:

1. Наименования мелкого рогатого скота:

«**Вивця́** – сущ., -ы́, жен.р., нейтр. Овца. /**В'іфци** хад'іл'и//; /Акóт у **в'іфци́** //; /галóдные **в'івци**//; /Ох у нас и **в'ив'ц'я́** дурна́// (х. Глушковка, Старооск., 1994 г.; п. Уразово, Валуйск., 1999 г.; с. Грушевка, Волокон.; с. Николаевка, Новооск., 1996 г.; с. Меняйлово, Алексеев.; п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.; с. Казацкое, Красногвард., 2016 г.). Украинизм, ср. укр. *вівця*. [СРНГ]- R» [ООСБ 2017: 57].

«**Овса́** – суц., -ы, жен.р., нейтр. Овца. /**Овсы** у нас//; /У **афсы́** бы́л'и ро́ды// (с. Подольхи, Прохоров.; с. Кураковка, Прохоров.). [СРНГ]-» [ООСБ 2017: 190].

«**Ягны́ця** – суц., -ы, жен.р., нейтр. Овца. /**јауны́ца**// (п. Пролетарский, Ракитян.). Под влиянием украинского произношения. || «**Ягні́ця**» [Даль IV: 672]+» [ООСБ 2017: 333].

2. Лексика, связанная с крупным животноводством и коневодством: –

«**Буга́й** – суц., -я, муж.р., экспр. 1. Крупный бык. /**Бууа́й**// (п. Пролетарский, Ракитян.; п. Борисовка, Борисов.; с. Никольское, Белгор.; с. Верховенье, Ивнян.; Ровеньск.; Шебекин.); 2. Бык, который бодается. /Сос'ид / пр'ид'иржы своґо **бууаја́**// (с. Волчья Александровка, Волокон., 1998 г.). || «**Буга́й, я́, м.** 1. Племенной бык. Бобр. Ворон., 1849. Тамб. Пойдем, а то бугай заколет. 2. Кастрированный бык. Россошан. Ворон., Попов, 1961» [СРНГ 3: 235-236]+ **Р**» [ООСБ 2017: 43].

«**Телу́шка, тьялу́шка** – суц., -и, жен.р., нейтр. Молодая корова, теленок женского пола. /**Т'илу́шка**// (п. Пролетарский, Ракитян.; с. Кузькино, Чернян., 2013 г.); /Напай́ ид'и́ т'алу́шку//; /**Т'алу́шка**// (с. Казацкое, Яковлев.; п. Троцкий, Губкин.; с. Кузькино, Чернян., 2013 г.). [СРНГ 44: 14]+» [ООСБ 2017: 283].

«**Череда́** – суц., -ы́, жен.р., нейтр. 1. Единица счета при расчете с пастухом за одну корову или лошадь. /Мы в аб'ит **ч'ер'еду́** пон'ес'ем пастуху́// (п. Уразово, Валуйск., 1999 г.); 2. Стадо коров. /Поуна́ла коро́в у **ч'ер'еду́**// (п. Уразово, Валуйск., 1999 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.). [Даль IV: 591]+» [ООСБ 2017: 319].

«**Кинь** – суц., -я́, муж.р., нейтр. Конь. /**К'и́н'**// (с. Волоотово, Чернян., 1999 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.; с. Радьковка, Прохоров.). Украинизм, ср. укр. *кинь*. [СРНГ]-» [ООСБ 2017: 139].

«**Коня́ка** – суц., -и, общ.р., экспр. Конь, кобыла, лошадь вообще. /**Кан'а́ка** крупны́й у т'иб'а́//; /**Кан'а́ка** ста́раја// (с. Славянка, Чернян., 1999 г.;

с. Илек-Пеньковка, Краснояруж.; с. Головчино, Грайвор.; с. Большая Ивановка, Новооск., 1999 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; с. Алексеенково, Алексеев.; Ровеньск.; с. Грушевка, Волокон.). [СРНГ 14: 279]+ **Р»** [ООСБ 2017: 147].

В данной подгруппе заслуживает внимания собственно лексический диалектизм *«Мэриночь – сущ., -и, жен.р., собирает., нейтр. Жеребцы, укрошенные, холощенные. /М'ер'инач//* (Прохоров.). [СРНГ]-» [ООСБ 2017: 1729].

Данное слово не зафиксировано «Словарем русских народных говоров», в нём обнаруживаем только родственные слова: «Мереньё, я, ср., собир. 1. Мерины. Вят., 1903» [4, с. 116]; «Мерин, а, м. 1. Жеребец. Болог. Калинин., 1955. 2. Лошадь по третьему году. Яран. Киров., 1940. 3. Большая толстая лошадь. Петрозав. Олон., 1885–1898. Дон. 4. Тучный бык. Уржум. Вят., 1882, Олон.»; «Мериньё, я, ср., собир. Табун жеребцов. Сиб., 1854»; «Мериначий, ья, ье. Принадлежащий, относящийся к мерину (кастрированному жеребцу). Рыб. Ярослав., 1901» [СРНГ 1982: 118].

Как видим, только в одном из толкований мы видим указание на кастрированное животное. Однако, как думается, именно это специфика отражается в словах этого корня.

3. *Лексика, отражающая возрастную специфику крупных сельскохозяйственных животных:*

«Борóныш – сущ., -а, муж.р., нейтр. Жеребёнок. /У сарáји барóныша пакарм'и// (с. Кузькино, Чернян., 2013 г.). [СРНГ]-» [ООСБ 2017: 41].

«Лошачóнок – сущ., -а, муж.р., уменьш. Лошадь первого года. /Лашач'óнак// (Новооск.; с. Богородское, Новооск., 1993 г.). || *«Лошачóк, чка, м. 1. Низкорослая лошадь. Терек. Кубан., 1905—1921. 2. Жеребёнок по второму году. Оленин. Калинин., 1940. Калинин.»* [СРНГ 17: 168]» [ООСБ 2017: 165].

Функционирует в говорах Белгородчины и родственное слово *«Лошóнок – сущ., -а, муж.р., уменьш. Жеребёнок. /Лашóнак//* (Новооск.;

с. Богородское, Новооск., 1993 г.). || «**Лошо́нок**, *нка, м. <...> 2. Жеребенок. Южн., Даль*» [СРНГ 17: 169]+» [ООСБ 2017: 165].

В целом следует заметить, что наименования молодых особей семейства лошадиных – достаточно объемная подгруппа, в которую, помимо указанных, входят также диалектные лексемы: «**Стрига́н** – *сущ., -а, муж.р., нейтр.* Жеребенок в возрасте от года до двух лет. Обычно годовалому жеребёнку подстригают гриву, что и обусловило название. /Стр'иу́а́н// (с. Яблоново, Корочан., 1995 г.). [СРНГ 41: 339]+ » [ООСБ 2017: 274].

«**Стригу́н**, см. также **стриган, стригунок, стрягун** – *сущ., -а́, муж.р., нейтр.* 1. Жеребенок в возрасте от года до двух лет. Обычно годовалому жеребёнку подстригают гриву, что и обусловило название. /Стр'игуна́ д'ёржым// (Вейдел.)

«**Сосу́н** – *сущ., -а́, муж. р., нейтр.* «жеребенок в возрасте до одного года»: /Сасу́ н иш'о́// (с. Яблоново, Корочанский район, 1985 г.)» [ООСБ 2017: 274].

«**Третья́к** – *сущ., -а́, муж.р., нейтр.* Лошадь в возрасте от 2-х до 3-х лет. /Тр'итя́к// (г. Старый Оскол, 1995 г.; с. Яблоново, Корочан., 1995 г.; с. Большая Халань, Корочан., 1999 г.). || «<...> 10. Домашнее животное (обычно теленок, жеребенок) на третьем году жизни. <...> Новг. Ленингр., Волог., Олон. Третьяк — лошадка по третьему году, и про быков так говорят. Карел. Смол., Калуж., Курск., Тамб., Саратов., Самар., Куйбыш., Сталингр., Кубан., Терск. казач., Одесск.» [СРНГ 45: 72-73]+» [ООСБ 2017: 290].

«**Трөхлётка** – *сущ, -и, жен.р., спец.* Лошадь в возрасте 3-х лет. /Тр'охл'ётка// (с. Вязовое, Прохоров.). [СРНГ]-» [ООСБ 2017: 290].

Данные факты свидетельствуют о значимости данной отрасли хозяйства для жителей области. Равным образом, разработанным является фрагмент языковой действительности, связанный с наименованиями молодых коров и бычков: «**Второ́чка** – *сущ., -и., жен.р., нейтр.* Корова от 1 года до 2-х

лет. /**Фтарáчка**// (с. Беломестное, Новооск., 1994 г.; с. Великомихайловка, Новооск.). [СРНГ]» [ООСБ 2017: 66].

«**Подтёлок** – сущ., -а, муж.р., спец. Годовалый телёнок, корова или бычок в возрасте от года до 2-х лет. /**Падт'óлак**//; /**Падт'óлак вон ваду́ пjó**// (Вейдел.; п. Пролетарский, Ракитян.; с. Кузькино, Чернян., 2013 г.). [СРНГ 28: 214]» [ООСБ 2017: 217].

«**Перва́тка** – сущ., -и, жен.р., нейтр. Корова от 2-х до 3-х лет. /**П'ирва́тка**// (с. Богородское, Новооск., 1993 г.; Новооск.). [СРНГ 25: 351]» [ООСБ 2017: 203].

«**Первотéлка** – сущ., -и, жен.р., нейтр. Корова от 2-х до 3-х лет. /**П'ирвот'éлка**// (с. Меняйлово, Алексеев.); /**П'ирват'óлак мно́уа**// (Вейдел.). [СРНГ 25: 351]» [ООСБ 2017: 203].

«**Теля́, тыля́** – сущ., -и, жен.р., нейтр. Корова в возрасте до года, телёнок. /**Т'ел'á** / **т'ел'óнок éта**// // (с. Хмелевое, Корочан., 1998 г.; с. Волоотово, Чернян., 1999 г.; п. Уразово, Валуйск., 1999 г.; с. Меняйлово, Алексеев.; с. Радьковка, Прохоров.); /**Тыл'á**// (с. Большая Ивановка, Новооск.; п. Пролетарский, Ракитян.). *Мн.ч.* Телята, телятки. /**За т'ал'áткам'и сматр'ёт' náда**// (с. Хмелевое, Корочан., 1998 г.). [СРНГ 44: 18]+ **Р**» [ООСБ 2017: 283].

4. *Лексика птицеводства.* Внутри подгруппы вычленяются названия взрослых особей и птенцов:

«**Вывóдка** – сущ., -и, жен.р., нейтр. Курица, которая выводит цыплят. /**Вывóдка**// (с. Вязовое, Прохоров.)» [ООСБ 2017: 67].

«**Гус** – сущ., -а, муж.р., нейтр. Гусь. /**И гу́сы јес'**//; /**гу́сы**// (с. Славянка, Чернян., 1999 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.). [СРНГ 7: 240]» [ООСБ 2017: 89].

«**Гуса́к** – сущ., -а, муж.р., нейтр. Гусь. /**гу́са́к злой**// (с. Илек-Пеньковка, Краснояруж.; п. Пролетарский, Ракитян.; с. Верхопенье, Ивнян.; с. Меняйлово, Алексеев.). [СРНГ 7: 240]» [ООСБ 2017: 89].

Гу́ска, см. также **гусыня** – *сущ., -и, жен.р., нейтр.* Гусыня. /гу́ска хód'ит' нó двару// (с. Илек-Пеньковка, Краснояруж.; с. Головчино, Грайвор.; с. Большая Ивановка, Новооск., 1999 г.; с. Грушевка, Волокон.; с. Матрено-Гезово, Алексеев.; п. Пролетарский, Ракитян.). [СРНГ 7: 245]+» [ООСБ 2017: 89].

«**Кво́чка**, см. также **квошка** – *сущ., -и, жен.р., нейтр.* Курица, которая водит цыплят; курица, которая высиживает цыплят, наседка. /Кво́чка//; **Кво́чка** хóды на вы́гарну бóзна уде́//; /Кво́чка вы́вила п'искл'áт// (с. Меняйлово, Алексеев.; с. Илек-Пеньковка, Краснояруж.; с. Головчино, Грайвор.; с. Киселевка, Новооск.; с. Лесное Уколово, Краснен., 1998 г.; с. Большая Ивановка, Новооск., 1999 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.; с. Грушевка, Волокон.). [СРНГ 13: 170]+ **Р**» [ООСБ 2017: 138].

«**Ку́рка** – *сущ., -и, жен.р., нейтр.* Взрослая курица, курица, которая несет яйца. /Ку́рка//; /Ку́рка уб'ёула// (с. Славянка, Чернян., 1999 г.; с. Пестуново, Корочан., 2000 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.; Прохоров.). [СРНГ 16: 130]+» [ООСБ 2017: 157].

«**Півень**, см. также **певун** – *сущ., -я, муж.р., нейтр.* Петух. /П'ів'ин'//; /јéсл'и п'івн'а пáймáјеш' / то в'јід'иш' зáмуш за разв'ид'óнаґа //; /У хáт'и јéс'т' пів'ин'// (с. Радьковка, Прохоров.; с. Большетроицкое, Шебекин.; п. Пролетарский, Ракитян.; с. Белый Колодезь, Вейдел., 2013 г.; г. Бирюч, Красногвард., 2016 г.). Украинизм, ср. укр. *півень* – ‘петух’. [СРНГ 27: 17]+» [ООСБ 2017: 207].

«**Самохóдка** – *сущ., -и, жен.р., нейтр.* Курица, которая в укромном месте села на яйца и вывела цыплят. /Самахóдка налигла́ на ја́јца// (с. Вязовое, Прохоровский район). [СРНГ 36: 110]+» [ООСБ 2017: 251].

Названия птенцов:

«**Писклёнок** – *сущ., -а, муж.р., ум.-ласк.* Цыплёнок. /У нас п'искл'óнак уб'эх// (с. Кузькино, Чернян., 2013 г.). **Писклята**. **Пискля́та** –*мн.ч., -□ –* цыплята. /П'искл'áта//; **Кво́чка** вы́вила п'искл'áт//; /éта ја п'искл'áтам

краниву́ рэжу// (г. Новый Оскол, 1994 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; п. Борисовка, Борисов.; с. Никольское, Белгор.; с. Федосеевка, Старооск., 2005 г.; с. Киселевка, Новооск.; г. Бирюч, Красногвард., 2016 г.). [СРНГ 27: 47-48]+» [ООСБ 2017: 209].

«**Вутя́та** – суц., -ят, мн.ч., нейтр. Утята. /**Вут'áта**// (п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.). [СРНГ]-» [ООСБ 2017: 67].

«**Курчо́нок** – суц., -а, муж.р., нейтр. Цыпленок. /**Курч'о́нок** // (г. Старый Оскол, 1995 г.). **Курча́та** – мн.ч., -ат. Цыплята. /**Курча́та**// (Борисов.; п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.). [СРНГ]-» [ООСБ 2017: 157].

«**Желторо́тый** – прил. или субстантив., -ая, -ое, нейтр. 1. Цыплёнок. /**Жылтаро́тые** п'иши́ат// (Новооск.); 2. Молодой, неоперившийся (о цыплятах и перенос. о молодых людях). /**Жылтаро́тыји** ши'и'о́// (г. Новый Оскол, 1994 г., 1995 г.). [СРНГ]-» [ООСБ 2017: 110].

Внутри данных подгрупп также выявляются отношения синонимии: **выво́дка** – **кво́чка** – **ку́рка**; **ко́чет** – **півень**; **пота́йну́ха** – **самохо́дка**; **цыплёнок** – **писклёнок** – **курчо́нок** – **желторо́тый**. Возникновение синонимов, помимо прочего, обусловлено взаимодействием с пограничными говорами украинского языка, в результате чего в говорах Белогорья функционирует немало украинизмов (пивень).

5. Названия волосяного покрова и физиологических выделений животных и птиц.

«**Бы́рка** – суц., -и, жен.р., нейтр. Засохший комок грязи, смешанный с навозом и шерстью у животных. /**Бы́рка**// (п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.). [СРНГ]-**ва́л** – суц., -а, муж. р., нейтр. «овечья шерсть»: /**Ва́л** пр'а́л'и// (с. Великомихайловка, Новооскольский район)» [ООСБ 2017: 47].

«**Вовна́** и **во́вна**, см. также **во́лна**, **во́вна** – суц., -ы́/-ы, жен.р., нейтр. Овечья шерсть. /**Ды вавна́** жи'о пат'ипл'э́ји ўс'ак'их но́рак бу́д'а// (с. Кузькино, Чернян., 2013 г.); /**Во́вну** пр'а́л'и/ то́жы на чу́лк'и/ на ва́р'у'и//; /**Ко́хта** из **во́вны**//; /**Во́вну** пр'а́лы на пр'а́дку// (г. Старый Оскол,

1995 г.; с. Федосеевка, Старооск., 2005 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.; с. Николаевка, Вейдел.). || «**Волна**, *ы* и **волна́**, *ы, ж.* 1. Волна . Волосяной покров животного, обычно овцы. Волна какая на баране выросла. Стрычь волну. Дубен. Тул., 1933. Вся волна вылезла с этой овцы. Трубч. Брян. Курск. <...>» [СРНГ 5: 43]+» [ООСБ 2017: 60-61].

«**Гний**, ср. также **гной** – *сущ., -я муж.р., спец.* 1. Кирпичики из навоза, предназначенные для топки печи; сухой навоз, используемый для топки в печах. /*гн'и́ј* дл'а п'ич'и́// (с. Грушевка, Волокон.; п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.); 2. Сухой навоз, сухие отходы от коров или лошадей, скотий помёт; коровяк, используемый для удобрения. /*Ч'ирназ'ом харо́ш у нас/ гн'и́ја пр'ив'изл'и́ удо́бр'ил'и́//; /Удабр'а́им гн'и́им//; /Каров'ак/ гн'и́ј пр'ив'азл'и́ / удо́бр'ил'и́// (с. Гарбузово, Алексеев., 1999 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; с. Кузькино, Чернян., 2013 г.; с. Казацкое, Красногвард., 2016 г.). Украинизм. || «**Гно́й**, *я, м.* 1. Навоз. Слов. Акад. 1847 [с пометой “церк.”]. Ряз., Росл. Смол., 1852. Южн.» [СРНГ 6: 247](+)» [ООСБ 2017: 79].*

«**Гной**, ср. также **гний** – *сущ., -я муж.р., спец.* Навоз, сухие отходы от коров или лошадей, скотий помёт. /*К'из'ак'и́/ гно́ј называ́јут// (с. Богородское, Новооск., 1995 г.; Новооск.; с. Ильинка, Алексеев.; с. Яблоново, Валуйск., 2010 г.). || «Гно́й, *я, м.* 1. Навоз. Слов. Акад. 1847 [с пометой “церк.”]. Ряз., Росл. Смол., 1852. Южн.» [СРНГ 6: 247]+» [ООСБ 2017: 79].*

«**Кизя́к** – *сущ., -а́ муж.р., нейтр.* Высушенный коровий помёт или смесь навоза с соломой. /*Л'ан'и́л'и к'из'а́к* дл'и́ хаты//; / *Ра́н'и мы́ п'ечку тап'и́л'л'и к'из'а́кам'и́// (с. Расховец, Краснен.; с. Троженец, Новооск., 1999 г.; с. Грушевка, Волокон.; с. Илек-Пеньковка, Краснояруж.; с. Головчино, Грайвор.; с. Большая Ивановка, Новооск., 1999 г.; с. Киселевка, Новооск.; с. Муходеровка, Алексеев.). [СРНГ 13: 203]+ **Р»** [ООСБ 2017: 138-139].*

«**Кудёлка** – суц., -и, жен.р., спец. Волокнистая часть шерсти. /**Куд'ёлка**// (с. Кураковка, Прохоров.). || «**Кудёлка**, и, ж. Кадочка, ведро для сливочного масла. Пск., 1902-1904» [СРНГ 15: 398](-)» [ООСБ 2017: 155].

«**Руно́** – суц., -а, жен.р., нейтр. Снятый шерстяной покров овец и баранов. /**Руно́**//; /У авці харо́шыя **руно́**// /Хоро́шее **руно́** у нас// (с. Яковлево, Яковлев.; п. Вейделевка, Вейдел., 1995 г.; п. Уразово, Валуйск., 1999 г.). [СРНГ 35: 263-264]+» [ООСБ 2017: 247].

И в этой подгруппе выявляются системные отношения, в том числе синонимия: **вал – волна́ (вовна́, во́лна) – кудёлка, гний – кизя́к**. Кроме того, налицо свойственная диалектам в целом фонетическая вариативность, включая акцентную: **вовна́ – волна́ – во́лна**.

В целом, рассмотренная лексика включает значительное количество украинизмов (**вивца, кинь, пивень**) или вариантов, возникших под влиянием украинского языка (**гний, вовна, ягныца** и подоб.).

В то же время отмечаются архаичные собственно русские черты, например яканье: **тялушка, стрягун**.

2.2. Земледельческая лексика

Второй объемный кластер составила земледельческая лексика.

Здесь также выделяются более частные подгруппы.

1. Названия, связанные с циклической обработкой земли.

«**Весновспашка** – суц., -и, жен. р., нейтр. Весенняя пахота. /**Веснофспашка в ма́рт'и обыч'на**// (Красненский район, с. Большое, 1999 г.)» [ООСБ 2017: 54].

«**Жа́тва** – суц., -ы, жен. р., нейтр. Уборка урожая. /**Жа́тва**// (с. Богородское, Новооскольский район)» [ООСБ 2017: 109].

«**Зя́бь** – суц., -и, жен. р., нейтр. Осенняя пахота. /Пад з'іму **з'я́н'**// (Красненский район, с. Большое, 1999 г.)» [ООСБ 2017: 129].

«**Корчевать** – глаг., -ую, -уешь, несов., перех., нейтр. Расчищать пашню. /**Карч'ивать'** ужэ парá// (Красненский район, с. Большое, 1999 г.)» [ООСБ 2017: 148].

«**Орать** – глаг., -у, -ёшь, несов., перех., нейтр. Пахать. /**Нада аҫарод арат'**»// (с. Киселевка, Новооскольский район)» [ООСБ 2017: 194].

«**Покос** – сущ., -а, муж. р., нейтр. Место, на котором косят траву на корм животным. /**На пакос'и он**// (с. Богородское, Новооскольский район)» [ООСБ 2017: 219].

«**Ситьба** – сущ., -ы, жен. р., нейтр. Время посевных работ. /**С'ид'ба** посл'и пахаты// (Красногвардейский район, с. Садки, 1997 г.)» [ООСБ 2017: 258].

«**Страда** – сущ., -ы, жен. р., нейтр. Уборка урожая. /**Саб'ирал'ис'** на страду// (с. Матрено-Гезово, Алексеевский район)» [ООСБ 2017: 273].

2. Названия сельскохозяйственных орудий. –

«**Водило** – сущ., -а, ср. р., нейтр. 1. Часть плуга. 2. Ручка сохи. /**Вад'ула**// (с. Великомихайловка, Новооскольский район; Прохоровский район)» [ООСБ 2017: 61].

«**Восьмиручка** – сущ., -и, жен. р., нейтр. Коса определенных размеров: она имеет длинную рукоять, позволяющую косцу делать значительный размах и срезать траву широкой полосой. /**Вас'м'ируч'кай** кас'ил'у// (с. Большое, Красненский район, 1999 г.)» [ООСБ 2017: 65].

«**Грабки** – сущ., мн. ч., нейтр. Грабли. /**См'итай стажок / там вон урабк'и**// (с. Богородское, Новооскольский район)» [ООСБ 2017: 84].

«**Дробина** – сущ., -ы, жен. р., нейтр. Большая решетчатая телега, предназначенная для возки снопов. /**Драб'ина** / и л'эсн'ица у нас / и т'ил'эга// (с. Большое, Красненский район, 1999 г.)» [ООСБ 2017: 129].

«**Грабарка** – сущ., -и, жен. р., нейтр. Совковая лопата, используемая в огородничестве. /**урабаркай** рыл'у// (Ровеньской район)» [ООСБ 2017: 83].

«**Карцѡвка** – суц., -и, жен. р., нейтр. Совковая лопата, используемая в огородничестве. /**Карцѡфка** / савкѡваја лапáта éта// (с. Радьковка, Прохоровский район)» [ООСБ 2017: 136].

«**Кисцѣ** – суц., -á , муж. р., нейтр. Деревянная ручка косы. /**К'исцѣ** дѡвгаја// (Ровеньской район)» [ООСБ 2017: 139].

«**Литѡвка** – суц., -и, жен. р., нейтр. Большая коса с длинной ручкой. /**Л'итѡвка** / восьмиручка // (с. Матрено-Гезово, Алексеевский район)» [ООСБ 2017: 163].

«**Молотѣлка** – суц., -и, жен. р., нейтр. Приспособление для молотбы. /**На малат'илку патѡм**// (с. Матрено-Гезово, Алексеевский район)» [ООСБ 2017: 173].

«**Струѣ** – суц., -а, муж. р. Рубанок, инструмент для строгания. /**Струѣ** уам дѡск'и оструѣл// (с. Троженец, Новооскольский район, 1999 г.)» [ООСБ 2017: 274].

Внутри данной подгруппы также выявляются системные отношения (синонимия): *литѡвка* – *восьмиручка*; *водѣло* – *кисцѣ* (украинизм); *грабáрка* – *карцѡвка*. Возможно, диалектизм *карцѡвка* является результатом метатезы: *крацѡвка* («металлическая щетка, служащая для очистки металлических поверхностей») > *карцѡвка*. Однако это предположение требует дополнительного исследования и подтверждающих данных.

3. Наименования земельных участков и полей.

«**Безугѡдые** – суц., -я, ср. р., нейтр. неплодородная земля. /**Б'изуѡд'ју** сплашнѡји там у н'их// (с. Матрено-Гезово, Алексеевский район)» [ООСБ 2017: 36].

«**Бережѣще** – суц., -а, ср. р., нейтр. Поле, расположенное на берегу реки. /**На б'ир'ижыѣе** кѡсим / харѡшаја травá// (с. Матрено-Гезово, Алексеевский район)» [ООСБ 2017: 37].

«**Вѣжа** – суц., -и, жен. р., нейтр. Граница поля. /**В'ѣжа**// (с. Матрено-Гезово, Алексеевский район)» [ООСБ 2017: 51].

«**Выгон** – сущ., -а, муж. р., нейтр. Поле, расположенное близко к селению. /**Выган** за до́мам пр'ам// (с. Богородское, Новооскольский район)» [ООСБ 2017: 68].

«**Га́рь** – сущ., -и, жен. р., нейтр. Поле, пустующее от выгорания. /**Пу́ста там / га́р'**// (с. Нижние Пены, Ракитянский район)» [ООСБ 2017: 76].

«**Гли́нник** – сущ., -а, муж. р., нейтр. Глинистая почва. /**гл'ин'ик** / н'и раст'о там нич'о// (с. Матрено-Гезово, Алексеевский район)» [ООСБ 2017: 78].

«**Горо́ховище** – сущ., -а, ср. р., нейтр. Сжатое после гороха поле. /**га́ро́хав'иш'е** за да́рогай// (с. Матрено-Гезово, Алексеевский район)» [ООСБ 2017: 83].

«**Горо́ховник** – сущ., -а, муж. р., нейтр. Поле, засеянное горохом. /**га́ро́хавн'ик** / **га́ро́х бра́ли там**// (с. Матрено-Гезово, Алексеевский район)» [ООСБ 2017: 83].

«**Гра́ня** – сущ., -и, жен. р., нейтр. Поле, расположенное на границе с полями другой деревни. /**гра́н'а там ихнија**// (с. Нижние Пены, Ракитянский район)» [ООСБ 2017: 84].

«**Гречи́ца** – сущ., -ы, жен. р., нейтр. Поле гречихи. /**гр'еч'ицу** убрáл'и// (с. Большое, Красненский район, 1999 г.)» [ООСБ 2017: 85].

«**Гречи́шник** – сущ., -а, муж. р., нейтр. Поле, засеянное гречихой. /**гр'ичи́шн'ик** / м'од с н'иво́ харо́шый// (с. Матрено-Гезово, Алексеевский район)» [ООСБ 2017: 85].

«**Густо́й** – прил., -ая, -ое, одобрит. О луге, богатом травами. /**гу́сто́й лух**// (с. Ливенка, Красногвардейский район, 1993 г.)» [ООСБ 2017: 89].

«**Доли́на** – сущ., -ы, жен. р., нейтр. Большое поле. /**Дал'ина** патсо́лнухаф// (с. Большое, Красненский район, 1999)» [ООСБ 2017: 98].

«**Доме́р** – сущ., -а, муж. р., нейтр. Небольшой участок огорода в поле, отданный в аренду. /**Дам'ёр** мн'е да́л'и// (с. Богородское, Новооскольский район)» [ООСБ 2017: 98].

«**Душóвка** – суц., -и, жен. р., нейтр. Участок общинной земли, полагающийся на одну душу или тягло. /**Душóфки** был'и тут// (с. Большое, Красненский район, 1999 г.)» [ООСБ 2017: 104].

«**Жítный** – прил, -ая, -ое, нейтр. О сжатом поле, на котором была рожь. /**Жítнаји** пól'и/ рош была́// (с. Богородское, Новооскольский район)» [ООСБ 2017: 111].

«**Жн'íво** – суц., -а, ср. р., нейтр. Сжатое поле после уборки ржи. /**Жн'íва**// (с. Матрено-Гезово, Алексеевский район)» [ООСБ 2017: 112].

Займки – суц., -ок, мн.ч., нейтр. Дальнее поле. /**На займк'ах** кóс'ит'// (с. Большое, Красненский район, 1999 г.)» [ООСБ 2017: 118].

Как видим, в данной подгруппе преобладает собственно русская лексика, украинские вкрапления незначительны. Однако за границами нашей работы остались наименования садово-огородных, бахчевых и полевых культур, в ряду которых найдется немало украинизмов (*буряк, гарбуз* и т.д.), детальное описание которых мы рассматриваем как перспективу нашего исследования.

Выводы по главе II

Так в тематическом кластере «Лексика животноводства и птицеводства» мы выделили следующие диалектизмы: *вивцá, овсá, бугáй, чередá, коня́ка, мэриночь, борóныш, лошачóн, стри́гун, третья́к, трёхлётка, подтёлок, первáтка, теля́, тыля́, вывóдка, гус, гусáк и др.*

В тематическую группы «Земледельческая лексика» вошли такие слова как: *весновспáшка, жáтва, корчевáть, ора́ть, покóс, ситьбá, страдá, восьмиру́чка, дробíна, граба́рка, карцóвка, стру́г и др.*

Таким образом количественный и качественный состав данной подгруппы высвечивает основные направления земледельческой деятельности в Белгородской области и позволяет говорить о культурной специфике края.

Таким образом, даже предварительное описание сельскохозяйственной лексики, функционирующей в белгородских говорах, оказывается значимым для понимания культуры и региональных языковых особенностей Белгородской области. Лексика сельского хозяйства – это всегда лингвокультуремы, то есть «культурно маркированные единицы», которые несут в своей семантике информацию истории, культуре, основной деятельности носителей говоров.

Заключение

Так, диалекты Белгородчины распространены на территории 21 района Белгородской области (*Алексеевский, Борисовский, Валуйский, Вейделевский, Волоконовский, Грайворонский, Губкинский, Ивнянский, Корочанский, Красненский, Красногвардейский, Краснояружский, Новооскольский, Прохоровский, Ракитянский, Ровеньский, Чернянский, Шебекинский, Яковлевский и т.д.*) и выходят за ее пределы (*Курская и Орловская область*). Это свидетельствует о широком охвате белгородских диалектов, которые включают в себя различные пласты лексики: сельскохозяйственную и бытовую, наименования растений и животных, предметов домашней утвари и др.

Следует отметить, что территория ряда районов современной Белгородской области заселялась в XVI-XVII веке в основном украинскими переселенцами из восточной Черниговщины, Полтавщины и слобожан Правобережья Украины. В контексте этнолингвистического описания народных говоров Белгородчины и их происхождения является значимым, что 23% наименований предметов сельского хозяйства в говорах Белгородчины, то есть почти четверть, составляют украинизмы, например: *вивца, кинь, пивень* и т.д., что свидетельствует о взаимодействии белгородских говоров с пограничными диалектами Украины и смешении разноязычной диалектной лексики в микросистемах белгородских говоров.

Таким образом, разноаспектное описание лексики белгородских говоров представляется важной задачей, решение которой значимо для решения целого ряда лингвистических и экстралингвистических вопросов.

В целом, как показывает наше исследование, изучение белгородских говоров способствует выявлению культурно-исторической и лингвистической специфики нашего региона. Так, белгородские говоры способны дать необходимый для реконструкции языка и истории народа материал.

Список используемой литературы

1. Аванесов, Р.И. Общенародный язык и местные диалекты на разных этапах развития общества [Текст] / Р.И. Аванесов // Материалы к курсам языкознания / Под общей ред. В.Я. Звегинцева. – Москва, 1954. – С. 87-93.
2. Аванесов, Р.И. Очерки русской диалектологии: В 2 ч [Текст] / Р.И. Аванесов. – Москва: Учпедгиз, 1949. – 336 с.
3. Анохина, Л.И. Лексика питания; названия печеных кушаний из муки в орловских говорах (структурно-семантический аспект) [Текст]: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Л.И. Анохина. – Орел, 1998. – 24 с.
4. Арсентьев, Д.З. Опыт тематической классификации фразеологических единиц (на материале орловских говоров) / Д.З. Арсентьев // Лексико фразеологические связи в литературном языке и народных говорах / Курск, гос. пед.ин-т. – Курск, 1984. – С.33-54.
5. Баланчик, Н.А. Лексика крестьянского текстильного производства и плотнического ремесла (на материале русских говоров Кемеровской и Орловской областей) [Текст]: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Н.А. Баланчик. – Орёл, 1992.
6. Баранникова, Л.И. О некоторых особенностях взаимодействия разнотематических диалектных лексических единиц в современных народных говорах [Текст] / Л.И. Баранникова // Уч. зап. ЛГПИ. Т. 249: Вопросы языкознания. – Л, 1963. – С.391-397.
7. Баранникова, Л.И. Русские народные говоры в советский период [Текст] / Л.И. Баранникова // К проблеме соотношения языка и диалекта. – Саратов, 1967. – 106 с.
8. Бахвалова, Т.В. Выражение в языке внешнего облика человека средствами категории агентивности [Текст] / Т.В. Бахвалова. – Орёл, 1996. – 240 с.

9. Бахвалова, Т.В. Именование людей в орловских говорах // Орловский край. Опыт истории и перспективы развития [Текст]: Материалы научно-практич. конф. – Орёл, 1992. – С. 346-354.
10. Биржакова, Е.Э. Очерки исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования [Текст] / Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова, Л.Л. Кутина. – Л., 1972. – 294 с.
11. Блинова, О.И. Введение в современную региональную лексикологию [Текст] / О.И. Блинова. – Томск, 1975. – 262 с.
12. Блинова, О.И. К вопросу о типах лексических различий в системе диалектного языка [Текст] / О.И. Блинова // Уч. зап. Томского гос. ун-та. Т.57: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. – Вып. 1. – Томск, 1966. – С. 17-30.
13. Блинова, О.И. О тождестве слова в диалектном языке [Текст] / О.И. Блинова // Труды Томского гос. ун-та. Т. 197: Вопросы русского языка и его говоров. – Томск, 1968. – С.117-126.
14. Блинова, О.И. Русская диалектология. Лексика [Текст] / О.И. Блинова. – Томск, 1984. – 133 с.
15. Бромлей С.В. Очерки морфологии русских говоров [Текст] / С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова. – Москва, 1972. – 448 с.
16. Бурко, Н.В. Орографическая лексика в орловских говорах [Текст]: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Н.В. Бурко. – Орел, 1998. – 21 с.
17. Васильев, Л.М. Теория семантических полей [Текст] / Л.М. Васильев // Вопросы языкознания. – 1971. – №5. – С. 105-113.
18. Васильченко, С.М. Формально-семантические связи русского имени существительного в семасиологическом и ономасиологическом аспектах [Текст]: Учебное пособие / С.М. Васильченко. – Орёл, 1996. – 196 с.
19. Воробьев, В.В. Лингвокультурология: учебное пособие [Текст] / В.В. Воробьев. – Москва: Издательство РУДН, 2006. – 280 с.

20. Гаврилова, Т.И. Терминология похоронно-номинального обряда в этнолингвистическом освещении (на материале Курского региона) [Текст]: автореф. дис. . канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.И. Гаврилова. – Белгород, 1997. – 17 с.
21. Гинзбург, Е.Л. Конструкции полисемии в русском языке: Таксономия и метономия [Текст] / Е.Л. Гинзбург. – М.: Наука, 1985. – 223 с.
22. Голев, Н.Д. Ономазиология как наука о номинации II Русское слово в языке и речи [Текст] / Н.Д. Голев // Кемеровский гос. ун-т. – Кемерово, 1977. – С. 13-22.
23. Данькова, Т.Н. Сельскохозяйственная лексика праславянского периода: (из истории становления сельскохозяйственной лексики русского языка) [Текст] / Т.Н. Данькова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филол. науки». – №7 (31). – 2008. – С. 40–44. 3.
24. Демидова, К.И. Лексическая семантика в региональном аспекте [Текст] / К.И. Демидова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2014. – Вып. №3. – Т. 11. – С. 35–39.
25. Денисов, П.Н. Лексика русского языка и принципы её описания [Текст] / П.Н. Денисов. – Москва: Русский язык, 1980. – 253 с.
26. Еременко, О.И. Фонетические особенности говоров Белгородской области [Текст] / О.И. Еременко // Молодой ученый. – 2014. – №20. – С. 714-715.
27. Ерёмина, С.А. Модели номинации бытовых ёмкостей в русском языке / С.А. Ерёмина // Духовная культура: проблемы и тенденции развития / Всероссийская научная конференция 11-14 мая 1994 г. Тезисы докладов. – Сыктывкар, 1994. – С.86-88.
28. Жбанкова, Т.С. Названия посуды в рязанских говорах [Текст] / Т.С. Жбанкова // Сб. ст. «Уч. зап.» Рязан. пед. ин-та. Т. XXX. – Рязань, 1962. – С.133-147.

29. Жиров, М.С. Традиционный народный костюм Белгородчины: история и современность [Текст] / М.С. Жиров, О.Я. Жирова, А.Т. Митрягина. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2005. – 376 с.

30. Забелин, И. Домашний быт русских царей в XVI-XVII столетиях [Текст] / И. Забелин. – Москва, 1962. – 759 с.

31. Кардашевский, С.М. Из истории изучения лексики курско-орловских говоров [Текст] // Уч. зап. / МОПИ им. Н.К. Крупской. Т. XXXII. – Вып.2. – Москва, 1955. – С. 88-93.

32. Карпова, И.А. Диалектные названия ёмкостей с иноязычной номинацией их в русском языке /И.А. Карпова // Проблемы региональной лексикологии, фразеологии и лексикографии. – Орёл, 1994. – С.59-61.

33. Кириллова, Т.В. О семантическом варьировании диалектного слова (на материале тверских говоров) [Текст] /Т.В. Кириллова // Проблемы региональной лексикологии, фразеологии и лексикографии. – Орёл, 1994. – С.62-63.

34. Кошарная, С.А. Вариативность и синонимия в региолекте белгородчины (на материале ландшафтной лексики) источник [Текст] / С.А. Кошарная // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3-х ч. Ч. 3. – Тамбов: Грамота, 2016. – №4 (58). – С. 109–113.

35. Красильщик, Е.А. Названия домашних животных с точки зрения их физического и физиологического состояния (на материале говоров Костромской и Ярославской областей) [Текст]: автореф. дис. . канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.А. Красильщик. – Орел, 2000. – 20 с.

36. Куфтин Т.П. Названия предметов домашнего быта (на материале говоров Ивановской области): автореф. дис. . канд. филол. наук: 10.02.01 /Т.П. Куфтин. – Москва, 1994. – 16 с.

37. Лукина, Т.Н. Предметно-бытовая лексика древнерусского языка [Текст] / Т.Н. Лукина. – Москва, 1990. –166 с.

38. Лукьянова, Н.А. К вопросу о методике анализа семантических отношений слов в диалектной системе [Текст] / Н.А. Лукьянова // Вопросы языка и литературы. – Вып. 4. – Ч. 1. – Новосибирск, 1970. – С. 100-119.
39. Лукьянова, Н.А. Лексика современных говоров как объект изучения [Текст] / Н.А. Лукьянова. – Новосибирск, 1983. – 116 с.
40. Лукьянова, Н.А. Некоторые вопросы диалектной лексикологии [Текст] / Н.А. Лукьянова. – Новосибирск, 1978. – 76 с.
41. Меркулова, Л.И. Наименования повивальной бабки в говорах Орловской области [Текст] / Л.И. Меркулова // Лексический атлас русских народных говоров: Мат-лы и исслед-я: 1995. – СПб., 1998. – С. 90-94.
42. Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения [Текст] / М.В. Никитин. – Москва: Высшая школа, 1988. – 165 с.
43. Новиков, Л.А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике) [Текст] / Л.А. Новиков. – Москва: Изд-во МГУ, 1973. – 290с.
44. Новицкая, И.С. Сопоставительный анализ семантической структуры лексем тематического ряда «приготовление пищи» (варить, жарить, печь) в русском литературном языке и брянских говорах [Текст] / И.С. Новицкая // Брянские говоры. Сб. научных трудов. – Л., 1978. – С.46-56.
45. Опыт областного словаря Белгородчины: дифференциально-сопоставительный словарь: 3700 слов / С.А. Кошарная, А.С. Алейник, А.И. Медведева; под общ. ред. С.А. Кошарной. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2017. – 332 с.
46. Оссовецкий, И.А. Лексика современных русских народных говоров [Текст] / И.А. Оссовецкий. – М., 1982. – 198 с.
47. Панов, М.В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. [Текст] / М.В. Панов. – Москва, 1990. – 276 с.

48. Попова, Е.А. Человек как основополагающая величина современного языкознания [Текст] / Е.А. Попов //Филологические науки. 2002. – №3. – С.69-77.

49. Словарь русских народных говоров. Выпуск 18. Масленичек – Мутрасливый [Текст] / Н.И. Андреева-Васина, О.Д. Кузнецова, А.Ф. Марецкая, П.И. Павленко, И.А. Попов, Н.В. Попова, О.Г. Порохова, Е.Н. Этерлей. – Л.: Наука, 1982. – 368 с.

50. Сороколетов, Ф.П. К вопросу о системных отношениях в лексике народных говоров [Текст] / Ф.П. Сороколетов // Диалектная лексика: 1975. – Л.: Наука, Ленингр.отд-е, 1978. – С. 14-25.

51. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи [Текст] / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1985. – 170 с.

52. Толковый словарь русского языка: иллюстрированное издание [Текст] / В.И. Даль. – Москва: Эксмо, 2012. – 896 с.

53. Трубинский, В.И. Русская диалектология: Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем [Текст] / В.И. Трубинский. – СПб., 2004. С. 54-61.

54. Уфимцева, А.А. Слово в лексико-семантической системе языка [Текст] / А.А. Уфимцева. – М: Наука, 1968. – 272 с.

55. Филин, Ф.П. О слове и вариантах слова [Текст] / Ф.П. Филин // Морфологическая структура слова в языках различных типов. / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.-Л., 1963. – С. 128-133.

56. Мавродин, В. В. Образование единого русского государства [Текст] / отв. ред. Д. С. Лихачёв. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1951. – 328 с.

57. Рыбаков, Б.А. Язычество древних славян [Текст] / Б.А. Рыбаков. – М.: Наука, 1981. – 324 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Конспект урока в V-IX классах

Тема урока: «Диалектная лексика»

Форма – урок

Тип урока – урок изучения нового материала

Цель урока – познакомить учащихся с особым пластом русского языка, именуемым диалектной лексикой; помочь развести в сознании учеников понятия «говор», «диалект»;

Задачи:

- 1) образовательные – знакомство учащихся с диалектной речью; углубление знаний в области темы; пополнение словарного запаса;
- 2) развивающие – способствовать формированию умения в поиске диалектизмов в художественных произведениях;
- 3) воспитательные – способствовать развитию интереса учащихся с русскому языку; воспитание уважительных отношений к нормам литературного языка;

Методы, используемые на уроке освоения нового материала: объяснительно-иллюстративный, суть которого заключается в том, что часть знаний предоставляется учащимся в готовом виде; проблемный метод – постановка задачи, которую ученики должны решить самостоятельно; исследовательский метод – обучающиеся частично самостоятельным способом добывают нужную информацию.

Оборудование – учебник по русскому языку для 5 класса под редакцией М. Т. Баранова, Т. А. Ладыженской и др. М., «Просвещение», 2011. Портрет Владимира Ивановича Даля, Толковый словарь живого великорусского

языка, электронно-технические средства, рабочие тетради, таблицы, карты, словари, раздаточный материал.

План урока:

- I. Организационный этап (1 минута)
- II. Проверка домашнего задания (5 минут)
- III. Инсценировка, определяющая тему и цель урока(5 минут)
- IV. Выступление с индивидуальными сообщениями (6 минут)
- VII. Изучение нового материала (10 минут)
- VIII.Закрепление изученного (7 минут)
- IX. Самостоятельная работа (5 минут)
- X. Рефлексия (2 минуты)
- XI. Домашнее задание (1 минута)

Ход урока

I. Организационный момент

На данном этапе целесообразно будет настроить учащихся на образовательный лад. В связи с включением в работу учителю предлагается провести словарный диктант, что способствует развитию орфографической зоркости и пополнению словарного запаса.

Слова для словарного диктанта: ассистент, режиссер, коллега, интеллигентный, аккуратный, сверстник, профессия, галерея, классика, пассажир, аттестат, гостиная, гуманизм, претендент, дилетант, компромисс.

II. Проверка домашнего задания

Проверку домашнего задания можно варьировать в зависимости от уровня сложности изучаемого материала и понимания усвоенной информации. Рекомендуется контролировать выполнения домашнего задания на каждом уроке.

III. Инсценировка, определяющая тему и цель урока

Перед тем, как перейти к изучению нового материала, учащихся нужно ввести в круг поставленных проблем. Поэтому мы предлагаем разыграть небольшой диалог, с помощью которого обучающиеся попробуют определить тему и цель урока.

Учитель: Ребята, перед тем, как мы приступим к изучению нового материала, я предлагаю по ролям прочитать небольшой диалог.

Действия обучающихся: читают диалог в паре.

Диалог между бабушкой и внуком:

- Бабушка, куда ушла мама? Я собирался пойти с ней на речку.
- Ваня, нонча по батожья ушла мать.
- Куда? Что?
- Да говорю, по столбцы пошла мамка.
- Не пойму, какие еще столбцы? Бабушка!
- Да что ж ты непонятливый такой у меня! По петушки!
- Да какие ж петушки, когда они вот у нас тут, во дворе!
- Говорю, в пабедье, ей пришлось идтить по стебни!
- Ой не понимаю тебя!
- Терпения нет на тебя! За щевелем пошла, за щавелем!
- Бабушка, ну так бы и сказала! А петушки-петушки!
- Ты мне лучше сходи да принеси с гарода цибулю и бурак, борщ сварим!
- Что-что принести? Ой, лук и свеклу!

Учитель: Ребята, скажите, почему внук не смог понять бабушку! Ведь оба разговаривают на родном языке!

Ответы обучающихся: Внук не смог понять бабушку, потому что она употребляла непонятные для него слова.

Учитель: А назовите мне общеупотребительный слова?

Ответы обучающихся: Лук, свекла.

Учитель: А теперь запишите то, что вы и внук не смогли понять.

Запись в тетради: батожья, столбцы, петушки, цибуля, бурак, пабедье, гарод.

Учитель: А можете ли вы отнести эти слова к какой-либо лексической группе?

Ответы учащихся: предполагают.

Учитель: Чтобы ответить на этот вопрос нам необходимо знать такое понятие как «диалект».

IV. Выступление с индивидуальными сообщениями

Учитель: А теперь давайте послушаем, что наши ребята подготовили дома. Ваша задача внимательно слушать и записать основные понятия.

Выступление с сообщениями по теме «Диалекты»

Учитель: А теперь попробуем определить тему и цель урока.

Ответы обучающихся: Тема нашего урока: «Диалектная лексика». Задачи: познакомиться с диалектной речью, знать понятия урока.

Выступление с сообщениями по теме «Диалекты»

Русские люди живут в разных географических условиях: одни в лесной местности другие, например, проживают в степи; некоторые даже в горах и равнинах. И эти факторы проживания влияют на быт, культуру, язык и т.д

В национальном русском языке имеются два основных наречия (диалекта), в состав которых входят самостоятельные говоры.

Основу лексики всех говоров составляют общеупотребительные слова. Но кроме них, в говорах употребляются местные или диалектные слова, понятные жителям определенной территории (местности)

Например: цуцик (щенок), хутер (хутор), хата (дом), хатенка (летняя кухня), объедок (огрызок), обужа (обувь), налопаться (много съесть), набуть (может быть), краюшка (кусочек хлеба), красный (рыжий), исты (есть).

Учитель: Я уверен, что многие слова вы уже слышали из уст старшего поколения.

Учитель: Речь жителей определенной местности называется диалектом. А вот диалектное слово именуется «диалектизм».

VIII. Закрепление изученного

Учитель: Давайте теперь заполним таблицу. Ваша задача распределить слова на два столбика: в первом – диалектизм, во втором – литературная норма. Но перед этим скажите, чем особенна наша белгородская земля? Чем на ней занимались люди?

Ответы обучающихся: Белогорье славится своим богатым сельским хозяйством.

Учитель: Верно! В связи с этим я вам предлагаю познакомиться именно с группой диалектизмов, входящих в круг сельскохозяйственной лексики. Обязательно воспользуйтесь Толковым словарем В.И. Даля, а также «Опытом областного словаря Белгородчины», в составлении которого принимали участие мой научный руководитель, профессор кафедры русского языка и литературы, Кошарная Светлана Алексеевна.

Диалектизм	Литературная норма
Весновспáшка	Весенняя пахота
Жáтва	Уборка урожая
Зя́бь	Осенняя пахота
Корчевáть	Расчищать пашню
Ора́ть	Пахать
Покóс	Место, на котором косят траву на корм животным
Ситьба́	Время посевных работ
Страда́	Уборка урожая

Гра́бки	Грабли
Граба́рка	Совковая лопата
Карцо́вка	Совковая лопата
Молоти́лка	Приспособление для молотьбы
Ве́жа	Граница поля

IX. Самостоятельная работа

Учитель: Ребята, а теперь ваша задача составить с каждым словом предложения, чтобы нам сразу стало понятно, о чем будет идти речь.

Учитель: Также давайте теперь обратимся с вами к произведениям художественной литературы. Посмотрим, убедимся в том, что и писатели в своих шедеврах обращаются к диалектной лексике. Они это делают для того, чтобы максимально нас с вами погрузить в тот или иной контингент людей, показать особенности языка, показать особенности героев, передать атмосферу, которую описывают.

С. А. Есенин

Вечер, как сажа,

Льется в окно.

Белая пряжа

Ткет полотно.

Пляшет гасница,

Прыгает тень.

В окна стучится

Старый плетень.

Липнет к окошку

Черная гать.

Девочку-крошку

Байкает мать.

Взрыкает **зыбка**

Сонный тропарь:

«Спи, моя рыбка,

Спи, не гутарь».

Учитель: Выпишите диалектизмы и определите их значение.

X. Рефлексия

Учитель: Ребята, а теперь каждый должен оценить свою работу. Мы с вами сделаем анонимный опрос. Ваша задача – ответить на листочках на вопросы: «Понял ли тему?», «Что больше всего понравилось на уроке», «Как я сегодня проявил себя на занятии?»

XI. Домашнее задание

Учитель: Найти и выписать диалектную лексику из художественной литературы.